

"наркотической" линии. Что действительно, по-настоящему было оскорбительным для публики, скажем, еще лет десять назад, так это порнография с использованием детей, занимающая одно из главных мест в книге.

- Получается, что на содержание в настоящий момент ложится основная "бередящая" задача, но в русском переводе форма остается действительно неприличной, то есть происходит смещение фокуса.

Э.О.: Думаю, это только вопрос времени, так сказать, продолжительности действия свободы слова, когда люди уже больше не расценивают голые слова как реальную силу, когда что-то еще должно быть за ними, в искусстве - некая свежая мысль или чувство. Слово же, брошенное ради реакции на него самое, не работает.

Я помню время, когда "уровень грубости" на американском телевидении был ниже, что приводило к неоднозначным результатам. При съемке фильма о "The Doors" музыкантов попросили не употреблять наиболее неприличные выражения. Или в программе, посвященной войне в Корее, принимавшим в ней участие благовоспитанным врачам немисливо было даже чертыхнуться, тем более, что тема была слишком драматичной и ответственной. Однако напряжение было столь сильным, что они не могли обойтись без определенных выражений, обсуждая определенные темы...

- Девиантное поведение (насилие разного рода, нетрадиционная сексуальность, гиперсексуальность, наркомания) в "новом искусстве" занимает преобладающее место, выполняя роль как источника вдохновения, так и точки отсчета. В "Заводном апельсине" героя "излечивают" от склонности к насилию, заодно освобождая и от нетривиального восприятия мира и искусства.

Создается впечатление, что гений и злодейство не только совместны, но и неотделимы в мире Берроуза, Берджеса и, скажем, Миллера. И он, этот мир, со всей этой "наркотической эстетикой" (вспомним еще и "Pulp fiction") весьма привлекателен, судя по всему, для читателя.

Э.О.: Задача писателя - нажимать на кнопки. Если читатель напуган тем, что он читает, он по-настоящему переживает описываемые ощущения, что позволяет познать некоторые вещи посредством слов, не в реальности. Не знаю только, стоит ли называть гипер- или гомосексуализм или наркотики злом...

- А как тогда?

Э.О.: Естественными проявлениями. Я рассматриваю зло как отъятие прав другого человека или причинение вреда другому человеку. Но у каждого есть право причинять вред себе, не думаю, что это зло. Конечно, в "Заводном апельсине" зло, то есть попытка насильем заставить окружающих жить по твоей схеме. А вот наркомания - как раз наоборот. Безусловно, ты разрушаешь себя, но это только твое дело, твои отношения с собственным организмом.

- Люди склонны, с одной стороны, полагать наркотики злом, с другой же - активно интересоваться опытом их употребления, ощущениями и т.п. Возникает нечто вроде паразитизма на саморазрушении наркомана.

Э.О.: Возможно. Ведь подобный пассивный интерес гораздо безопаснее реального опыта. Гораздо безопаснее пойти и два часа провести в кино или книжку почитать о запретном, чем самому иметь с этим дело. Многим хочется понять нечто, извлечь какую-то пользу из познания и не платить за это реальными испытаниями. Популярность "Pulp fiction" - прекрасный тому пример. Фильм просто-таки эстетизирует героин. И потом, в

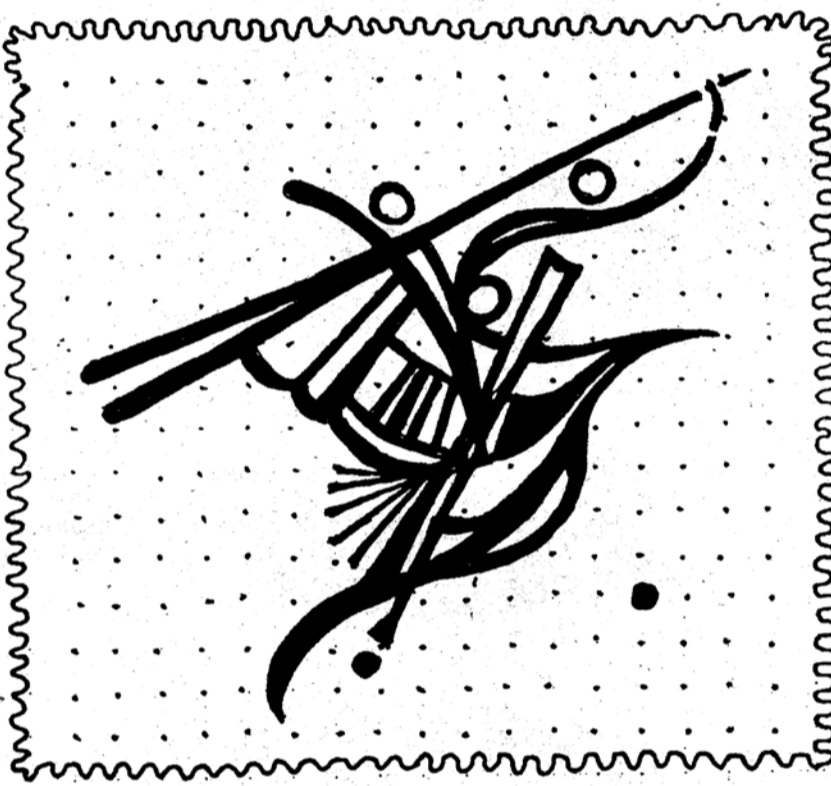
любой момент можно прервать процесс познания, если ты устал от него, что немисливо при реальном "погружении". Вот почему, думается, табу так интересны для читателя. Однако тут возникает еще одна проблема. Неизвестно, всегда ли чтение книг, подобных "Голому завтраку", однозначно дает выход желаниям познать темные стороны жизни без реального переживания, или существует опасность втягивания в предмет, что ведет к неизбежному воплощению фантазий...

- А насколько Берроуз популярен в Соединенных Штатах?

Э.О.: Я бы сказал, из той когорты наиболее популярен Керуак, потому что Берроуз гораздо более мрачен, сюрреалистичен. У Керуака больше надежды, что ли. Гинзберг и Берроуз, пожалуй, в равной степени известны.

- Последний, провокационный вопрос. Чем, по-твоему, отличается постмодернизм от эклектизма?

Э.О.: Я не знаю. По-моему, между ними нет никакой разницы, это он и есть. Что еще прибавить?

- Да ничего не надо, интересная мысль. Хотя многие бы, наверное, с тобой поспорили.

ЭРИК ОУЭН

ГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГ

С поверхности стола вишневого дерева погружаюсь в картины Иден в попытке отыскать ключ, жду ее возвращения, надеюсь, что она помнит, как я нес ее в палатку, когда она свалилась с каштана.

Уставшая после работы в кафе, она, наконец, возвращается. Собаки подвывают от холода, рыбка в аквариуме уже неделю как уснула. Прижимаю к уху телефонную трубку, притворяюсь, (Иден ходит по комнате) что слышу голос или музыку: как-то надо объяснить тишину, уснувшую у Иден внутри.

Раньше, в нашем доме-аквариуме мы разглядывали ее картины - Барабанщика, Пожарного и Шляпу на Кровати. Ее деревянные палочки ударили меня по натянутой коже, обгоревшие деревья, ступни с отметинами дорог передо мной, холодные капли на ладонях. Замерзнув, я прятал ноги под черную шляпу,

что лежала у нее на кровати.

Пригвожденные к стене динозавры: шероховатость изображений; травоядный длинношей Пацифист-калека и хищник с дрянными зубами, терзающий теплую добычу, жаждущий запаха плоти... Теперь только сухие кости И густая дрожащая масляная тишина.

В тишине я сбегая в антикварную лавку найти серебряный ключ или маску, говорящую "верно" - что-нибудь, чтобы соединить наши руки, как в тот день, когда я принес Иден четки.

Голова хозяина лавки покоится в гамаке сложенных рук. Я теряю время в отделе игрушек.

Мятежные солдаты, грозные серебристые штыки, готовые ринуться сквозь витрину. Британские истребители покачиваются на лесках, и тугие медные ремни впиваются в дерево коробок с ворохом желто-черных с красной каймой обрывков мундиров, истертых иглами. На дальней стене - ряды незажженных керосиновых ламп: пригвожденные дождевые капли.

Три черные библии под дождем. Я вспоминаю как мать повела меня в воскресную школу. Она спросила, понравилось ли мне там. Мне не понравилось. Я сжимал в руке камень, весь день просидел в углу, сжимая камень в белых прожилках, водил пальцем по мертвым листовным венам.

Я рассказал ей, что вместе с большими мальчишками я построил крепость в деревьях. Мы сделали высокую кирпичную стену, чтоб никто кроме нас не пробрался внутрь. Мама спросила, где мы берем еду. Я ответил, что у нас есть сад, вокруг него мы тоже построили стену...

И вот теперь я ищу нечто, способное вновь привязать меня к Иден.

Хозяин лавки, Городской Археолог, улыбается мне, выпуская из носа струйку дыма, что плывет над книгой "Курящие Боги Искусства Майя". В этом набитом вещами замке рассматриваю жадно, как вор, пачки тридцатилетней выдержки табака и "Гроздь Гнева" с автографом.

Ноя ухожу оттуда, не найдя ничего. Полые ископаемые кости можно и позже извлечь Из густой вереницы игрушек... Я узнал из раскопок, я видел мужчин и женщин в клетке, что у Иден в сердце, бок о бок с отпечатком листа на камне, я узнал динозавров, этих слабоумных, как и я, они что-то поняли только после исчезновения.

Перевод Г.Заломкиной